



**Крис Белозерцева**  
**Далекое Близкое**

**Далекое Близкое**

МАШИНЫ УЖЕ ПОРАБОТИЛИ НАС!  
ОДУМАЙТЕСЬ!!!!  
ПОКАЙТЕСЬ!!!!  
S. ПОЖЕРТВУЙТЕ.

16+

# Кристина Андреевна Белозерцева

## Далекое Близкое

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=55346909](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346909)*

*SelfPub; 2020*

### **Аннотация**

Мир быстро меняется. Мы стремимся к покорению космоса или уходим в виртуальный Нью-Эйдж? Ждем перемен с нетерпением или боимся их? В сборнике представлены несколько историй, рассказывающих о завтрашнем дне – таком далеком и близком. Что, если вы стали космонавтом поневоле? Как быть, если в вашем доме настоящая война из-за канала на youtube? Куда бежать, если новый «скайнет» зародился в вашем смартфоне? Загляните в недалекое будущее и выберите вариант по вашему вкусу.

# Содержание

Вместо вступления	4
Колобок	6
Легенда о настоящем человеке	16
Чужие вещи	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

# Вместо вступления

*Весь сборник – одна сплошная история проигранных литературных конкурсов.*

*Давайте я сразу расскажу вам, что есть, а чего нет в этой книге.*

*Здесь нет ни фэнтези, ни романтических линий.*

*А еще нет плохих и хороших. На самом деле я просто ненавижу эту строгую градацию – черное и белое. В бездну!*

*И ни одного **избранного**, представляете?*

*Зато есть прорва приключений, бесконечная черная даль космоса, пустота и холодный звездный свет.*

*Есть ночное море неоновых вывесок большого города, среди которых так сложно скрыться от преследователя.*

*Есть обычные люди со своими особенностями, достоинствами и недостатками.*

*Есть Сю Хао – китайский демон пустоты в одном красном башмаке.*

*Разумные животные и одна сверхразумная горилла.*

*Есть полиция, управляющая летающими дронами.*

*Таинственный искусственный интеллект по имени Оракул, цели которого совершенно непонятны обычному нормальному человеку.*

*А еще одна кофейня и один троллейбус.*

*И конечно блоггеры и хипстеры, каналы youtube и лайки.*

*Есть очень **далекое**, сколько не смотри в небо – не увидеть.*

*А есть и совсем **близкое**, оглянись – столкнешься нос к носу.*

*А еще есть один совершенно разочаровавшийся в собственной жизни немолодой человек, которому внезапно дали второй шанс. И если отбросить гротеск и фантастику, то основа этой истории совершенно реальная.*

*Потому что все, что я пишу, оно о переменах и надежде.*

*Ваша КБ*

# Колобок

*Шнадику, с самыми теплыми воспоминаниями о наших приключениях в заснеженной Сибири.*

*Представьте себе далекую-далекую планету, затерянную в холодном космосе, на которой обосновались двое – Старик со Старухой.*

Майор Игорь Васильевич Страхов, позывной для связи – Старик, с ненавистью смотрел на начальника научной станции. Когда-то он еще пытался скрывать свои чувства, но сероглазой блондинке было настолько плевать на его реакцию, что прятаться стало бессмысленно. «Испытывает она сама хоть что-то? – спрашивал себя иногда Старик. – Или под этим прилизанным пучком на самом деле микросхемы, вместо нормального человеческого разума?»

– Мария Сергеевна, – хрипло осведомился он во второй раз, – где Колобок?

Начальник научной станции, светило генетики, позывной для связи – Старуха, на миг бросила взгляд на своего коллегу, оторвавшись от монитора, и за стеклами узких дорогих очков сверкнуло раздражение. Как сверкнуло, так и кануло в глубину глаз, ставших опять совершенно равнодушными. Как у змеи, право слово.

– С каких пор вас интересует Колобок, товарищ майор? – полюбопытствовала она, снова вернувшись к своему неведомому отчету. – Не вы ли величали его «наш ужин»?

Старик не выругался. Сдержался. Годы исполнения приказов...

– Вы создали в лаборатории органическую форму жизни из зерна, определенного как наш рацион, более того, вам взбрело в голову сделать его разумным!

Старуха принялась машинально барабанить ногтями по столешнице, Страхов дурел от этого звука. Она – без сомнения, величайший ум нашего столетия – затребовала себе лабораторию «где бы ее никто не беспокоил» – на необитаемой планете, а из сопровождения допустила одного, сменяющегося раз в год охранника. «Чтобы никто не мешался». Старик торчал здесь уже семь месяцев, и каждый прожитый миг был наполнен постукиванием, шелканьем, поскребыванием, скрипом – о! как он мечтал о тишине.

А с недавних пор он мечтал и еще кое о чем. Как схватит эту стерву за волосы, вставит ей в рот ствол глока и будет нажимать на спусковой крючок, пока не раздадутся бессильные холостые щелчки. Старухе было наплевать.

– Я сделала его разумным... – эхом повторила она. – Это был эксперимент, и заметьте, удачный... Разумное существо, созданное на основе растительного материала, с вживлением искусственной нервной системы... Прорыв...

– Что значит – «был»? – чуть не заорал Старик.

Блондинка вздохнула, снова подняла глаза на собеседника и выбрала тон, каким говорят с самыми глупыми лошадами на конюшне.

– Я оставила открытым окно, мне нужно было изучить его способность познавать новое и принимать решения в стрессовых для него ситуациях.

– Надо его найти, – уяснив суть, майор не желал продолжать тратить время на разговор со стервой, от которой его с души воротило.

– Я отправила квадрокоптер следить за ним, – и снова буквы, цифры и графики интересовали ее куда больше, чем человек напротив. Человек, который должен был ее охранять. Человек, обладающий оружием, в конце-то концов. И которого Мария Сергеевна ни в грош не ставила. Он был для нее чем-то навроде назойливой, говорящей мебели.

– И?!

– И он отправился в лес.

Старик чуть успокоился. В начале их пребывания здесь Старуха баловалась сочетанием генетики и вивисекции, создав целую толпу совершенно разумных животных, обладавших, ко всему речью. Майор пришел в ужас, увидев однажды свою начальницу с интересом наблюдающую, как разумный волк догнал и разорвал такого же разумного молодого кабанчика, пока тот умолял его пощадить.

Из этого случая получился очередной грант, кстати, но Страхов, в отличии от этой стервы, сохранял человечность.

Он принялся возиться с животными, заставив их под угрозой винтовки, принять одно нехитрое правило: разумный не ест разумного. Никогда. Правило №1. Табу. Постепенно жизнь в лесу нормализовалась, правда теперь, перед тем как впиться клыками в добычу, хищник был вынужден сказать что-то вроде «я тебя съем», а получив разумный ответ – отпустить жертву и искать новую. Все-таки, обычных животных было куда больше, и серьезной проблемы с прокормом не возникло. В любом случае, раз уж Колобок умел говорить, в лесу недалеко от лаборатории его не должны тронуть.

– И где он сейчас?

– Сначала он встретил Зайца, – соблаговолила продолжить пояснения Старуха, – Колобок заговорил, и Заяц его не тронул. Твое правило №1 в действии.

– Это – нужное правило!

Старик тем временем вспомнил Зайца: серый вечно заискивающий ком меха, пристрастившийся к табачным листьям. От нечего делать майор принялся высаживать возле лаборатории грядку с табаком – на махорку для трубки, а Заяц прибежал, садился в паре метров и преданно заглядывал в глаза, выпрашивая подарок, хорошо, хоть не воровал тайком, не решался. Старик срезал несколько листьев, и Заяц, поблагодарив, исчезал. Правда, последнее время прибегать он стал чаще... Может, кого из родственников посадил на табак? Надо бы разузнать...

– Потом он столкнулся с Волком, – прервала воспомина-

ния майора Старуха, – и к сожалению, абсолютно такой же сценарий поведения. Ничего нового. Колобка опознали как разумного и отпустили.

Волк был угрюм и был одиночкой. Старик старался лишний раз не заходить на его территорию, а когда заходил, обязательно предупреждал хозяина о своем визите прямо от границы – старого поваленного дерева. И вовсе не потому что боялся. Когда Старуха заканчивала снимать с Волка показатели, еще здесь в лаборатории, перед тем как отпустить его в лес, Старик поймал взгляд зверя: внимательный, выжидающий... Примеривающийся – вот правильное слово. Волк ненавидел эту блондинку за то, что она с ним сделала, и просто запоминал, как высоко от пола находится ее горло, чтобы однажды улучшить момент, подкрасться, и... Почувствовав, что на него смотрят, хищник уставился в ответ на Старика и замер, заметив во взгляде человека отголоски тех же чувств. Да, похоже, они оба хотели убить бесчувственную стерву. Миг острого взаимопонимания, и все закончилось: оба отвели глаза.

С тех пор человек и зверь уважали друг друга, хоть и старались избегать.

– Ну и потом, конечно, ваш друг явился посмотреть, что за новенький. Вы знаете, мне кажется, Медведь помешан на контроле, не замечали?

– Ему приходится хоть как-то управлять нашим зоопарком, – буркнул майор, защищая друга, – споры решать. Ко-

нечно, он должен быть в курсе.

– В общем, все еще раз повторилось.

– Так где все-таки Колобок? Вы хотите рассказывать мне эту историю до поздней ночи?

Медведь стал в лесу главным не только из-за своей силы, и отнюдь не из-за свирепости. Коричневая мохнатая туша оказалась на удивление мудрой и ответственной, добровольно взвалив на себя роль мирового судьи. Старик иногда, чувствуя, что вот-вот сорвет клапан, уходил от греха подальше в лес, и тогда они с Топтыгиным сидели подолгу на берегу ручья, человек выговаривался, зверь слушал и сочувствовал.

– О! А вот дальше было интересно, знаете ли. Необычный паттерн поведения, – продолжала между тем Старуха, – помнишь Лису? Мой шедевр?

Майор похолодел. Если и был кто-то на этой планете, от кого Старика воротило больше, чем от Старухи, так это была Лиса. Хитрая, вкрадчивая, приторно-сладкая в общении, научившаяся растягивать чернотубый рот, подражая людям и изображая улыбку. Выдавали ее только зрачки размером с булавочную головку: шедевр Старухи – непредсказуемое животное-психопат. Майор в глубине души опасался ее, ожидая в любой момент своих прогулок по лесу подлости или жестокой шутки.

– Что она сделала?! – потребовал он ответ, пытаясь не кричать на непосредственного начальника.

– А вот это уже было интересно. Она стала глухой.

– Что?!

– Забралась в речку, чтобы ей в уши вода после купания попала, и слышно было плохо. Думаю, она это придумала, пока наблюдала как Колобок с остальными знакомился.

– И?!

– Что – «и»? – теперь раздражение металлом сквозило уже в голосе. – Лиса с заложенными ушами не услышала от него разумного ответа, подозвала его поближе – и все равно не услышала, поэтому могла не подчиниться вашему Правилу №1. Очень интересно. Похоже, женский разум действительно более адаптивен к ситуации, более изобретателен. Я не ожидала, что она сможет придумать нечто новое. Обойти правила.

– Она его сожрала?!

– Употребила в пищу. Вы не поняли, что я сказала, с первого раза?

Старик пораженно смотрел на Старуху, сдерживая рвущийся из глотки мат.

– Он был разумен, – тихо проговорил мужчина, наконец.

– Я проделала с его помощью все запланированные исследования. Считайте это утилизацией.

– Утилизацией?! Он был разумный! А ты?! Ты сидела за этим своим монитором?! И наблюдала, как живое существо, тобой же созданное, жрут заживо?! Ты вообще – нормальная?!

Он не понял, как перешел на «ты», не понял, как вскочил

на ноги, сжав от ярости кулаки, и тем более, как начал орать на всю лабораторию.

– Я – ученый, генетик, – с достоинством проговорила Старуха, брезгливо поджимая губы, – а вы, товарищ майор, забываетесь. Забудьте о Колобке и проверьте все квадрокоптеры с камерами. У нас с вами в ближайшие дни будет масса работы.

– Почему? – только и спросил Старик.

– Игорь Васильевич, – она впервые назвала его по имени, – у нас с вами примитивная община, в которой только что прямо нарушили основное табу. Насколько я помню «психологию примитивных социальных структур», за этим последует еще одно нарушение, или два, а потом это явление приобретет массовый характер. Я должна записать все события, найти связь с созданными мной психологическими особенностями конкретных объектов и построить модель.

– Но в лесу начнется резня...

– Эксперимент, Игорь Васильевич. Важный для науки эксперимент.

– Но погибнет много... – Старик осекся, чуть не выпалив «людей».

– Это – не люди, – жестко прервала его Старуха, – это – образцы. Можете считать происходящие события – утилизацией. Вам же не приходило в голову такое безумие, как оставить на планете разумных животных, когда мы улетим?

На миг перед глазами Старика встала добродушная морда

Медведя, с карими, все понимающими глазами...

Поздно вечером Старик и Медведь сидели на берегу ручья. Старик пил разведенный водой лабораторный спирт, рассказывая Медведю о Колобке – все, что мог вспомнить, а тот слушал, кивал и сочувствовал, а иногда неуклюже пытался похлопать друга лапой по плечу, пару раз едва не свалив того в воду.

– В общем, гхм... думал я думал, – проговорил Топтыгин, заполняя наступившую в импровизированных поминках паузу, – нельзя допустить хаос. Лису будем судить, а потом казним. Разумный не может есть разумного. Если кто-то начнет сомневаться... Крови будет много...

Старик кивнул, чувствуя, как очередная порция спирта обожгла ему горло.

– Поможешь? Винтовка, и... Гхм... Я подумал...

– Помогу.

Тут Медведь наконец прямо и пристально посмотрел в глаза другу и задал вопрос, волнующий его больше всего.

– Старуха же в курсе? Это же все – ее затея?

– Ага.

– Бабы... – вздохнул зверь.

– Бабы.

– И как она отреагирует на наше... гхм... решение? С Лисой?

– А уже никак, – беззаботно отозвался Старик, впервые за несколько месяцев чувствуя, что ему наконец-то становится

лучше, – Лиса – твоя проблема, а Старуха – моя.

– Иди ты! – вскинулся Топтыгин, шерсть на котором вмиг встала дыбом, а карие глаза засверкали. – Расскажи!

Старик широко, до боли в щеках ухмыльнулся, глядя на Медведя.

– Я нажимал на спусковой крючок, друг, пока не раздались бессильные холостые щелчки...

# Легенда о настоящем человеке

*Старшему и ужасно любимому брату Вовке от всей души.*

*Представьте себе, что вы искренне считали свою жизнь конченной, а самого себя – полным неудачником. Да еще возраст... А потом вам внезапно дали второй шанс.*

*«Сегодня на космодроме мы торжественно открываем памятник в честь столетия со дня рождения Николая Дмитриевича Маслова (1971), первого марсианина, выдающегося конструктора, космонавта, героя, сумевшего усовершенствовать конструкцию летательных аппаратов, и рискнувшего жизнью, доказывая правильность своего изобретения. Он стал примером храбрости и самоотверженности, и сегодня здесь присутствует его внук, который все так же отрицает инопланетный след в истории покорения красной планеты. Однако, мы-то с вами знаем...» Аркадий Захаров, заметка в «АиФ», 2071 г., космодром «Северный».*

*Запомните его, Аркадия Захарова, и вы узнаете, откуда у такого помешательства на инопланетянях растут ноги...*

2024 г., космодром «Северный».

Сознание возвращалось нехотя, будто его заставляли оживать пинками. Кровь в висках стучала допотопным паровым молотом, грозясь проломить череп изнутри, в ушах гудело, а все тело тряслось, словно на вибростенде. Техник космодрома Митрич даже не предполагал, что похмелье может обратиться таким кошмаром, хотя, чего душой кривить, в этом вопросе он разбирался почти профессионально. Но сейчас каждый дрожащий от непонятной истерики нерв в его теле подсказывал: так плохо быть просто не может.

– Боже, – прохрипел он, пытаясь хотя бы перевернуться на другой бок, – говорил же я – паленый Хеннеси. Нет же. Подарок... Сдохнешь тут...

С третьей попытки Митричу так и не удалось даже оторвать руку от пола, на котором он лежал. Он испуганно косился на собственную морщинистую кисть, вены выпирали так, что, наверное, могли прорвать желтоватую сухую кожу.

Только бы не паралич. Брошу пить. Вот только отпустит – обещаю, брошу.

Он почти минуту не мог сообразить, где находится. Взгляд упирался в перекрученную лапшу цветных проводов где-то в метре над ним, подсвеченных цветными лампочками, будто обезумевшая елочная гирлянда. Сознание немного прояснилось, но гул отнюдь не прошел, а наоборот сделался еще невыносимее.

Так. Надо вспомнить. Ну, хоть что-то, а?

Перед глазами, словно на старой фотопленке, замелькали обрывки кадров вчерашней пьянки. Вот они с главным конструктором раскупоривают подаренный коньяк, вот Степаныч жалуется, сколько попилили при организации полета... А вот Митрич – в ответ – сетует на криворукость американских техников, приехавших настраивать свои части систем на космическом корабле совершенно нового типа, и умевших работать только по бумажке.

– Чек! – визгливо кричал один, высунувшись из технической дверцы, пока другой вносил какие-то данные в планшет, зачеркивая очередной пункт.

Не было у них ни конструкторского вдохновения, ни искры творческого безумия. Лучше б роботов прислали, прости господи. А потом затуманенный похмельем разум таки поставил в один ряд несколько слов: «корабль», «гул» и «коньяк».

Мысль леденила, как ком снега за шиворот, никогда еще он не трезвел настолько стремительно. Мужчина кое-как перекатился на бок и окончательно узнал «шкаф», в котором очнулся. Маленькое техническое помещение с консолями для ручного управления кораблем *изнутри*...

– Я сплю, – с надеждой обратился к Вселенной Митрич, – а когда проснусь, нахрен брошу пить. На год. Или на два. Честное слово.

«От себя не уйдешь, но попытки продолжаются», – не без сарказма заметил внутренний голос.

Ладно. Гул и перегрузка – это могли быть нагрузочные тесты, а? На стенде? Полет же был не на сегодня назначен? Нечеловеческим усилием мужчина перевернулся уже на живот и, цепляясь пуговицами куртки за все стыки напольных панелей, пополз в сторону внутреннего люка, ведущего к отсекам для экипажа и главной рубке. Панель отъехала вверх, пропустив человека в коридор. И он двинулся дальше тем же манером кита, выброшенного на сушу, проклиная про себя – себя-идиота, конструктора, а главное – чертов паленый Хеннеси.

Так, еще пять метров, потом там будет кто-то из тестирующих этот аппарат техников, вечно хмурый рыжий Витька, кажется? Может, еще и обойдется. Может, даже и не уволят за очередную пьянку на работе.

«Не с твоим везением», – снова хмыкнул скептически внутренний голос.

А вот интересно, все эти диалоги с самим собой – это как, нормально? Или уже дорога к мягкой палате, белому халату, а то и тапочкам под цвет?

Когда следующая панель пропустила его внутрь рубки управления, Митрич окончательно убедился что он либо тронулся умом, либо все-таки спит, потому что первое, что он увидел, едва приподняв голову от пола – удивленная морда гориллы, пристегнутой к одному из четырех белых кресел.

– Трандец, – констатировал мужчина, – это ж уже даже не

белочка...

– Хэллоу! – отозвался до идиотизма жизнерадостный голос и сильным акцентом. – Вы кто?

Второе кресло занимал человек в оранжевой форме, положенной международному экипажу, и, похоже, он был близким родственником Майка Тайсона. Широкоплечий, с хорошими глазами и открытой улыбкой честного человека. Он был в том возрасте, когда уже защищают докторскую, но еще любят комиксы.

– Я не понимаю, простите, – едва перекричал гул незнакомец.

Митрич осознал и заткнулся: звонкая река мата пресеклась. Судя по строчкам на центральном мониторе, похмельный техник находился во взлетающем космическом корабле непонятно с кем. А еще он вчера в этом самом корабле что-то такое химичил. По пьяни.

– Трандец, – еще раз повторил Митрич и бессильно уронил голову на руки.

– Тран Дес? Ваше имя? – все не унимался родственник боксера. – Доктор Самди.

Горилла, оставшаяся безымянной, пока хранила солидное молчание, разглядывая нового компаньона не по-звериному разумными глазами.

– Вы должны сесть в кресло, Тран. Пере... груз. Иначе можете страдать.

Это да. Митрич страдал. Он бы вообще рвал на себе воло-

сы, если бы только мог оторвать руки от пола. В этот момент огромная лапища, напоминая хваткой железную клешню, потащила его за шиворот в сторону свободного кресла. Мужчина позволил кое-как усадить себя и пристегнуть ремнями. Теперь его мысли занимал единственный вопрос: а есть ли у него хоть один шанс вернуться на Землю?

Когда перегрузки сменились, наконец, невесомостью, ожил центральный экран для связи, и через несколько секунд помех на нем появились перекошенная физиономия начальника технического департамента космодрома «Северный» Олега Нестеренко.

– Николай Дмитриевич, – тридцатилетний сын генерального, до сегодняшнего дня искренне полагававший, что ему перепала неплохая синекура, выглядел бледным и перепуганным как вызванный к доске двоечник, – у нас планерка утренняя тут... а вас нет... Пропускная система показала, что вы вошли в отсек, но не вышли...

Да, блин, именно планерка сейчас – самое важное.

– А я – тут вот, – в тон малолетнему начальнику развел руками Митрич, – лечу.

– Да как вы туда попали-то?! – Олег, казалось, сейчас упадет в обморок, опрокинув неизменный кофейный стаканчик из старбакса на легкий голубой пиджак.

– Проверял, что все в порядке, и заработался.

– Как это – проверяли? Вы же даже не инженер!

– Кстати, об инженерах: где главный? Василий Степанович?

Олег помялся немного, пряча глаза, но все же ответил.

– Мы не знаем, на работу не явился, телефон не берет.

– И вчера на корабль по лестнице влезть не смог, – ляпнул Митрич, поймав вспышку только что вернувшегося короткого воспоминания, и тут же прикусил себе язык.

Вечер прошел в русском стиле – пили, курили, разве что морды не били. Василий Степанович, незабвенный, с которым вчера упомянутый Хеннеси и дегустировали, вправду не смог забраться по лесенке. Грузный, пожилой, он ставил ногу на ступеньку, хватался, как утопающий за перила, а потом заваливался в сторону, и Митричу приходилось ловить собутыльника. А тот отмахивался, и рычал своим хриплым басом из всклокоченной бороды – уйди, уйди! Надо поправить! Разобьются же к чертовой матери!

На слове «разобьются» Митричу резко поплохело.

– Подождите... То есть как это – влезть не смог? А где вообще охрана была?

– Как это – где? – взъярился внезапно, наверное, со страху, астронавт-невольник. – Дед Владлен спал! Ему восемьдесят! Что вы на меня такими глазами смотрите? Да ваш же отец урезал ставку два месяца назад, старые охранники уволились дружно, а новых откуда брать?

– Вакансия висит на сайте... – начал Олег, но замолчал.

– Вы лучше вот что скажите, выбраться отсюда как-то

можно? К МКС пристыковаться или еще как?

– Мы что-нибудь придумаем! Не волнуйтесь, Николай Дмитриевич ... – но бегающие глазки начальника были красноречивее любой жизнеутверждающей лжи. – Вы же знаете, какие у нас специалисты тут...

«Ага. Именно что знаю, – подумал техник. – это – конец».

После прошлой волны бонусов начальству, заказов комплектующих через фирму-посредника, принадлежавшую брату главного, после повышения представительских расходов на нормальных программистов и инженеров, разумеется, не хватило. Работали такие, как Василий Степанович, старик почти уже, душой болеющий за «эту чертову ракету», жаждущий передать багаж своих огромных знаний хоть кому-то из молодых. А еще были студенты, зеленые пацаны, совмещающие работу с дипломной практикой, и поэтому работающие за гроши. Гениальная идея директора по развитию – «Науку в вузы! Студентам эксклюзивный опыт на прорывном проекте» – а на деле, способ сэкономить на нормальных специалистах. Это конец.

– ...твою мать! – закончил, наконец, сложную тираду техник.

– Вам сейчас просто нужно успокоиться, Николай Дмитриевич, иначе, конструктива у нас не получится.

Просто успокоиться. Интересно, можно было бы дать более дурацкий совет? Впрочем, не хочешь получать идиотские советы – не делись с идиотами своими проблемами.

– Значит, так, Олег, – Митрич потер лицо руками, все еще не в силах смириться с действительностью, – позовите-ка вашего отца. Поговорить надо.

– Зачем? – еще не забытый страх, от фразы «вызываю отца в школу», колыхнулся в глазах начальника отдела.

– Затем. В полдень пресс-конференция, чего журналистам говорить будем?

– Но... Для журналистов подготовлен пресс-релиз, вряд ли уже возможно изменить сценарий...

– Да они на прямом включении будут, дубина! – взорвался, наконец, несчастный космонавт. – Америкоса этого увидят, гориллу и меня еще!

– Да-да, вы правы, я сейчас позвоню отцу, – на бледном лице парня отразилась смесь обреченности и облегчения – все же, теперь разгребать этот бардак будет не он. – Пап, привет, у нас тут нештатная. Зайди прямо сейчас. Супер срочно. Не по телефону. Спасибо.

А потом голубые глаза вновь уставились на Митрича, и теперь в них плескалось откровенное изумление:

– Погодите... Какая еще горилла?

Пока, отключив связь, ждали старшего Нестеренко, Михаила Юрьевича, Митрич уставился на попутчиков. Американец собирал какой-то прибор, а горилла преспокойно подавала ему по очереди то шуруповерт, то тестер для электричества, удерживая ящик с инструментами, все норвящий

улететь под потолок.

– О! Мистер Тран! – обрадовался потерянный в детстве брат Тайсона. – Вы поговорили с коллегами? Вы знаете, когда у нас связь с ЮЭсЭй?

– Они еще позвонят, – неловко отмахнулся техник, – вы мне лучше скажите – это вот кто? Откуда на борту – обезьяна? И как вы говорили, вас зовут?

– Доктор Фрэнсис Самди, – протянул руку американец, – очень приятно.

– Николай... – он хотел добавить «Дмитриевич», но не стал.

– Николай Тран Дес... Ох, у вас такие сложные имена, – поправлять его не хотелось. – Могу я вас звать, как раньше, Тран?

– Можете-можете, горилла-то откуда?

Парень помялся несколько секунд, а потом только руками развел и обезоруживающе улыбнулся.

– Теперь мы можем быть откровенны, раз уж назад пути нет. Это – контрабанда.

– В каком это смысле? – напрягся Митрич.

– Я привез его сюда в контейнере для оборудования. Нет-нет! Вместе с огромным запасом еды, так что на этот счет не волнуйтесь. Но Джек – не обычная горилла.

Не обычная горилла угукнула и помахала отверткой.

«Мне нужно выпить. Причем, срочно».

– Он, понимаете ли, – продолжил подбирать слова Фр-

энк, – результат эксперимента. Коллеги в лаборатории вырастили внутри тела гориллы человеческий мозг. Никто не дал бы ему жить спокойно, датчики, исследования, а в итоге усыпление и вскрытие. Я должен был помочь. Так что, у нас на борту – как это вы говорите? Кролик?

– Заяц, – машинально поправил техник, – горилла – заяц.

Джек протянул волосатую ладонь с длинными гибкими пальцами, дружелюбно глядя в глаза Митричу.

«И ведь этот день еще только начался...»

Какого черта, а? Техник ответил на предложенное рукопожатие. Теперь он окончательно уверился, что все происходящее – сон. Неисправный корабль, запущенный к Марсу, в котором накануне копался пьяный, из экипажа – доктор чего-то, техник-алкоголик и разумная горилла. Прэлес-с-с-стно.

Джек поднял, висящий на мощной шее планшет и написал на сенсорном экране: «Мы не знали, что русские пришлют еще одного астронавта». Митрич пару секунд таращился на надпись, осознавая, что огромное волосатое животное не забыло поставить запятую в сложноподчиненном предложении.

– Ты... э-э-э... Вы говорите по-русски? – только и уточнил он.

– Джек... как это называется? А! Полиглот. Говорит восемь языков. У него IQ193.

«Поправочка. Доктор неизвестно чего, техник-алкоголик

и гениальная горилла».

– Знаете, – Митричу внезапно стало смешно, как не было уже очень-очень давно, – а я на самом деле тут как бы тоже не совсем по своей воле.

– Как это?

– Проверял вчера ночью проводку за обшивкой, присел на минуту, устал и уснул. Проснулся уже, когда взлетели.

Американец и примат обменялись долгими взглядами, наконец, Джек пожал плечами и похлопал сочувственно техника по плечу.

– Одно радует, – улыбнулся Фрэнк, довольно легко принявший действительность то ли в силу возраста, то ли характера, – еды я взял навалом, в расчете на Джека. На троих хватит до следующего корабля.

Он надеется долететь до Марса. Видал оптимиста? Оу, как говорят янки.

В это время замигала лампочка на панели управления возле надписи ЦУП, и Митрич, подлетев ближе, снова уцепился за поручень возле экрана. На сей раз появилось изображение злого, как черт, Нестеренко старшего. Единственным твердым убеждением в жизни этого краснолицего человека, был тезис, что если счастье и не купишь, то в роскошной машине хотя бы переживать его отсутствие приятнее.

– Ты какого хрена творишь... – начал он громыхать раскатами луженой глотки, но техник прервал бывшего босса, без намека на пиетет:

– У вас на борту подведомственного объекта – безбилетный алкоголик и разумная горилла. Какой расизм? Да я не про доктора Самди! Пресс-конференция с прямым включением – через четыре часа. Давайте договариваться, а то скажу ж правду, под суд пойдете, а у вас пенсия на носу.

– Что?! – взревел Нестеренко, выкатывая блекло-синие глаза и в момент краснея.

– Водички глотните. Удар так хватит.

– Да я тебя... – начал большой босс, и внезапно замолчал.

– Ага, – кивнул Митрич, – именно, лично мне-то терять уже нечего. А вот вам – есть.

На широком круглом лице Нестеренко старшего отразилась целая гамма эмоций – гнев, изумление, осознание и, наконец, страх. О да, стоило погибнуть, героически пытаясь спасти корабль, взамен этого выражения ужаса. Большой босс сейчас напоминал «карикатуру на начальника» из старого, советского еще журнала. Можно было дожидаться включения для прессы, да и сдать бывшего босса со всеми его делишками. Впрочем, у Митрича внезапно появился выбор. То, чего он был лишен уже почти полжизни.

– Значит так, я знаю, у вас бонусный фонд есть. Хе-хе, сэкономленный. Что? Да весь космодром про него знает. Пять лямов переведете моей жене. Если она до трансляции подтвердит мне, что все в порядке – прикрою вас.

– И речи быть не может!

– А вы подумайте спокойно минутку. А потом ответьте

еще раз.

Тот подумал и, похоже, лучше осознал ситуацию.

– Николай Дмитриевич, так дела не делаются, – принялся крутить Михаил Юрьевич, – Да вы сами подумайте, я просто не успею... В начале следующего месяца...

– Или сейчас, или я все расскажу. И про студентов вместо нормальных инженеров, и про отсутствие охраны, и про зарплату, и про комплектующие втридорога через подставную контору. Все слухи собираю, я вообще много чего знаю.

– Ты не посмеешь!

Митрич оскалился, начав напоминать голодного упыря из старых фильмов ужасов.

– А ты даже не представляешь, на что способен человек, осознавший, что выхода у него нет.

– Это – шантаж!

– Это – моральная компенсация.

– А я скажу, что ты сам в ракету залез! Чтобы меня же потом этим шантажировать! Жизнь твоя все равно – никчемная! Алкаш долбаный!

– Да, пожалуйста, – техник даже рассмеялся от подобных угроз, – проверять-то все равно тебя будут, не меня.

Мужчины молчали почти минуту.

– Четыре, – хмуро предложил, наконец, Нестеренко.

– Да что ты! Я ж теперь террорист-смертник, я – не торгуюсь.

– Хрен с тобой! Но только попробуй о чем-то неправиль-

ном заикнуться! Я тебя...

Мужчины помолчали еще с минуту.

– Н-да, – подвел итог бывший начальник, так и не придумав ни одной стоящей угрозы.

– Ага, – согласился Митрич, – и не забудь, мне подтверждение нужно.

– Будет тебе подтверждение. С женой твоей наверняка все журналисты поговорить захотят.

– Ну, так и не тратьте время.

– До связи, – буркнул Михаил Юрьевич, отключаясь.

Джек и доктор Самди смотрели на Митрича с большим любопытством.

«Не слишком хороший человек. Ваш босс?»

Технику очень захотелось сплюнуть на пол, но в невесомости этот жест изрядно терял в выразительности.

– «Хороший»? Многие люди живы, только потому что убивать противозаконно. Вот «хороший» человек как раз из таких.

«Почему?»

– Разваливают страну. Стратегическим же объектом управляет. И что делает? Тут денег украл, там на системе безопасности сэкономил, премию сыночку внеочередную выписал, а в итоге... А...да что я вам рассказываю.

Но нахмурившегося доктора Самди интересовали совершенно иные детали произошедшего разговора.

– Так вы есть – террорист? – оч-чень осторожно полюбопытствовал, наконец, Фрэнк. – Самый настоящий? А во имя какой веры?

– Террористы, это не во имя веры, – буркнул Митрич, усиленно размышляя, не хватил ли он лишки с этими миллионами, – это по большой глупости или за большие бабки.

– А вы?

– А я пошутил так. Хотя, если вдуматься, то, наверное, тоже – за бабки. Мне о сыне позаботиться нужно.

«Хорошо, когда есть семья, – философски заметил Джек, – и когда есть, о ком заботиться».

– Да мы как бы не совсем семья, – пояснил техник, сам не зная, зачем изливает душу двоим незнакомцам, эффект попутчика что ли? – жена ушла, сына забрала, ему семнадцать, поступать в этом году...

Эта рана все еще кровоточила, хоть и прошло уже больше года. Время конечно лечит, но примерно как в больнице для бедных.

– Поступать? – снова не понял Фрэнк.

– В университет.

«Поступит, – уверенно вывел на планшете Джек, – в любой вуз. Сын одного из первых марсиан же! Кто не захочет такую экзотику себе заполучить?»

Митрич с минуту смотрел, не мигая, а когда снова смог осмысленно поддерживать диалог, казалось, в глубине его глаз зажглась давным-давно погасшая лампочка.

– Точно, – словно сам себе не веря, проговорил он, – Данька ж теперь сын не алкаша никому не известного, а реально героя. И Ольга... Никто ж не скажет им правды, а еще и деньги если... и по телевизору... Джек! Вы – молодчина! Правда же... – и снова затряс черную кожаную ладонь. – Мне-то и в голову не пришло...

Через два часа лампочка «ЦУП» замигала снова, настоятельно требуя внимания. Невольный космонавт включил связь, и чуть не забыл, как дышать.

По ту сторону экрана сидели они.

Ольга, взволнованная, раскрасневшаяся, с блестящими, как спелые вишни, круглыми глазами. Она надела нарядное синее платье и то и дело теребила пальцами длинную сережку в левом ухе. Данька в пиджаке и при галстукке (явно, костюм на выпускной купили) тоже смотрел на отца так, как не смотрел лет с пяти, когда тот катал мальчишку на плечах, бегая по морскому мелководью и поднимая кучу брызг. С восторгом.

– Ну, здравствуй...

– Привет, Оль...

– Коля, нам деньги перевели, – только и проговорила жена.

– Хорошо, – улыбнулся Митрич, жалея остро, что не сможет больше обнять эту еще не растерявшую былую красоту чуть полноватую женщину.

Идиот был, не ценил. И потерял. А ведь они – самое важ-

ное, что есть в жизни. Да важнее самой жизни, что уж там.

– Там такие деньжищи... Господи, да что я несу. Коля! Ты что вправду – на Марс летишь? Я же даже не думала. Какая же я дура, Коля. Думала, пьешь, думала, все, конченный человек, а ты... – она внезапно всхлипнула.

– Пап, ты вправду герой, – подал ломающийся еще басок Данька, пытаясь сделать так, чтоб голос не дрожал, – я не думал даже. Мы очень тебя любим, пап. Мы так гордимся...

– А я-то как вас люблю! – и на какую-то минуту пропал рано постаревший, и вовсю спивающийся техник Митрич, а вернулся вместо него Коля Маслов. Подающий надежды выпускник МИФИ, талантливый физик, увлекающийся электроникой. Умный человек, как все советские парни, в глубине души мечтающий совершить подвиг, и беззаветно обожающий жену и сынишку. Жаль, что этот «талантливый» и «подающий» не пережил «лихих девяностых», когда вся наука оказалась в глубокой и отнюдь не метафорической дыре. А вот и подвиг. На старости-то лет.

Им дали совсем немного времени, минут пятнадцать, за которые они пытались наговориться на всю жизнь вперед. Митрич пытался запомнить каждую мелочь. Как завивается локон на белой шее жены, как идет ей светло-розовая помада. И что еще важнее – сын – пробивающиеся усики, отросшие волосы, которые он на идиотский подростковый манер забирал ободком, руки крепкие, совсем отцовские. И все не мог он наглядеться.

И все было, как в тумане, запомнил только, что Ольга с Данькой обещали раз в месяц записывать короткие видео и отправлять их вместе с другими данными из ЦУПа.

Когда место семьи по ту сторону монитора снова занял Нестеренко старший, Митрич едва сдерживался, чтоб не пустить скупую мужскую слезу.

– Ну, доволен? – буркнул бывший большой босс, впрочем, похоже, он уже не был в такой ярости, как в предыдущий сеанс. – Очень твои журналюгам понравились. Что для нас отличный пиар. Наука и космос с человеческим лицом, так сказать. История одного героя. Спросили, правда, почему твоего имени в списках на подготовку не было, так я сказал, что ты гениальный инженер, ученый, полетел обеспечивать безопасность тобой же сконструированных систем. А там с божьей помощью, глядишь, долетите, глядишь первую конструкцию развернете, а еще через годик за вами уже побольше корабль последует. По вашей же траектории.

«Себя успокаивает, – подумал Митрич, – долетим – не долетим, там еще бабушка на двое...»

– Доволен, – кивнул техник.

Такой разговор с семьей стоил даже возможного печального исхода. «Так лучше, чем от водки и от простуд».

– Так, все. Сейчас будем выводить вас на прямую связь с прессой. Позови американца.

– А Джека?

– Джека? Он вроде Фрэнк?

– Джек – горилла.

Нестеренко сморщился, будто его заставили разжевать целый лимон.

– Митрич, ну какая горилла? К нормальным мужика бечка приходит, а к тебе прям гориллы сразу? Сколько ты вчера выпил?

Космонавт обернулся к зоне кресел и помахал рукой.

– Джек! Лети-ка сюда.

На морде зверя появилось шкодливое выражение, он ловко оттолкнулся от своего кресла и вплыл в зону видимости камеры.

– Рры! – негромко, но угрожающе проговорило существо с интеллектом гения, и юмором подростка.

На Нестеренко было приятно посмотреть. Он покраснел, потом побледнел и вцепился руками в подлокотники до посиневших ногтей.

– Митрич... Что это, а? Откуда это?

– А это, Юрьич, – в тон бывшему боссу отозвался техник, – эксперимент: как под воздействием открытого космоса обезьяна в человека превратится. Теорию Дарвина в школе проходил? Во-о-от! Мы его уже научили шурупы отверткой выкручивать. Умный, зараза.

Несколько секунд Нестеренко напоминал выброшенную на берег здоровую рыбину, а потом взорвался:

– Какой еще эксперимент?! Ты в край долбанулся?! Как животное попало внутрь?! – если опустить нецензурные вы-

ражения, интересовали начальство ответы именно на эти вопросы.

Джек быстро поводит пальцем по своему планшету и, повернув тот к камере, позволил снова потерявшему дар речи Михаилу Юрьевичу прочитать: «Теория Дарвина так и не нашла подтверждения за более чем век своего существования. Лично я считаю ее ошибочной».

– Доктор Самди, – понял происходящее по-своему Нестеренко, – вы с ума сошли! Почему вы в костюме животного? Переодевайтесь немедленно! Сейчас здесь будут журналисты.

Сидящий в кресле и с удовольствием наблюдающий за происходящим Фрэнк жестами предложил тоже подплыть к экрану и помахать ручкой.

– Не надо, – ухмыляясь от уха до уха, и закрывая микрофон ладонью, покачал головой Митрич, – его прямо за пультом тогда удар хватит.

– Короче, у вас десять минут до включения! Соберитесь уже! – возмущенный босс отключился, и как только стих шум помех, все трое космонавтов явственно услышали тоненький, пронзительный писк.

Почти все десять минут ушли на поиски источника непонятного писка. В итоге обнаружил надрывающийся датчик умница Джек, громким угуканьем подозвав компаньонов к одной из панелей в рубке. Он нажал на пару кнопок, и на

небольшом экране высветилась устрашающая надпись: «Загрязнение воздуха».

Митрич облился холодным потом: если вышел из строя воздухоочистительный комплекс – хана. Умирать от удушья – страшно и долго. И мучительно. И вообще не хотелось.

– Серьезная проблема? – спросил встревоженный Фрэнк, лицо вмиг посерело, а на лбу выступили капельки пота. – Мы что – задохнемся?!

– Я не знаю.

В голове Митрича замелькал один очень реальный образ: как висит он посреди пустоты, пытаюсь втолкнуть хоть немного кислорода в горящие легкие, разевая рот, как рыба, вытщенная из воды. И сколько ни мучайся, исход один. Знаете, что страшнее самой смерти? Ждать, когда она придет.

«Подождите, – написал примат, единственный, сохранивший присутствие духа, – сейчас все проверим».

– Я не хочу умирать... – тихо проговорил американец, вторя мыслям техника.

Джек тем временем нажал несколько кнопок и по экрану побежали строчки, начинающиеся со слова «Диагностика». Писк не утихал, зато к нему присоединился сигнал вызова из ЦУПа.

Боже, да как же все это не вовремя!

– Надо сказать им!

– Да не перед всей же прессой! – фыркнул Митрич. – Луч-

ше быстрее попросим переключить нас на специалистов... – на этом слове он запнулся. – Н-да. Пресса и начальство такой сейчас хаос устроят, если узнают, точно упустим время.

«А Нестеренко старший настроится на мстительный лад из-за скандала. А у меня семья там все-таки осталась».

– Но инженерам ЦУПа мы скажем?

– Разумеется!

– Н-ну ладно, – неуверенно согласился Фрэнк.

«Идите, – предложил Джек, быстро выводя буквы на планшете, – отделайтесь от прессы побыстрее и переключайтесь на специалистов, а я тут пока посижу до конца диагностики. До ее завершения все равно никто нам помочь не сможет».

Аркадий Захаров всю жизнь считал себя баловнем судьбы. Жизнь его была полна и насыщена. Он прыгал с парашютом, сплавлялся на катамаране по карельским бурным рекам, завоевывал самых красивых девушек и, не заплатив ни копейки, закончил журфак МГУ. К своим двадцати восьми ему казалось, что он повидал и перепробовал все. Сегодня он попал в число счастливицков, которых допустили на прямую трансляцию с покинувшим Землю кораблем, отправившимся к Марсу. «Посмотреть в глаза настоящим героям», – как выразился главред, настаивавший именно на таком пафосном тоне статьи.

«Да тебе и выдумывать ничего не придется, просто смот-

ри, как они выглядят, слушай, что говорят – вот и материал, – радовался по-мальчишески шеф, – настоящие мужики! Учись, студент!»

Аркадий при всем приобретенном цинизме тоже ловил себя на совсем неуместном сейчас, детском нетерпении. Всплывали невольно в голове старые советские еще мультики, вроде «Тайны третьей планеты». Чувствовать себя ребенком было неприятно, и мысли такие парень от себя гнал.

И вот экран включился...

... и журналист почувствовал, что его лицо невольно вытягивается. Герои выглядели... хм-м-м... негероически, одним словом.

Широкоплечий негр с каким-то жалобно-перепуганным видом, да пятидесятилетний пропитый мужик с глазами побитой дворняги и выражением лица, будто сейчас субботнее утро, он приполз в магазин, а алкоголь сегодня не продают. Беспокорные взгляды их постоянно ускользали куда-то вбок. Аркадию на какой-то миг показалось, что его разыграли. Да не могут ЭТО быть первые люди на Марсе! Мужик попытался незаметно толкнуть чернокожего астронавта в бок и прошипел: «Улыбайся, давай!» Негр послушно растянул лиловые губы, изобразив безрадостный оскал.

– Вот, господа! – воодушевленно завел шарманку плотный лысеющий мужик из ЦУПа, указывая в сторону экрана рукой. – Вот наши герои! Шагнущие в будущее! Это последнее прямое включение, дальше мы сможем обменивать-

ся только записями! А они будут первыми на красной планете! Знакомьтесь! Доктор Фрэнсис Самди и профессор Николай Маслов!

Профессор? Это? Вот же у нас наука в упадке...

На слове «профессор» алкоголик тоже удивленно моргнул, и Аркадий сумел разобрать по губам: «Ну, ни хрена себе».

Ему захотелось помотать головой, отгоняя это видение, а врожденная журналистская чуйка просто-таки вопила: что-то в этой истории не так!

—...Как вы себя сейчас чувствуете?— решил-таки закончить свой монолог лысоватый цуповец.

Вместо ответа, потенциальные марсиане дружно посмотрели куда-то в сторону. Улыбка помаленьку сползала с лица американского доктора, почему-то больше – с правой стороны, так что перекосило физиономию. «Абзац», – пробормотал себе под нос странный профессор.

– Что-нибудь случилось? – чуть нахмурился конференсье от науки.

– Не-е-ет, – медленно протянул доктор Самди, снова уставившись вбок, – у нас хорошо...

– Отлично, – добавил профессор Маслов, когда пауза начала затягиваться, – зашибись просто.

А вот тут Аркадий замер, словно голодный волк, наткнувшийся на заячьи свежие следы. Позади странного астронавта был какой-то выключенный монитор, и с самого его края

отражалась... чья-то еще фигура. Журналист вперился в нее взглядом – фигура двигалась, она была большая, темная и не производила впечатления человека.

Вот на кого они все время смотрят! Но что это?!

– ...Скажите нам, остающимся на Земле какое-нибудь напутствие! – попробовал вернуть беседу в конструктивное русло цупонец.

– Э-э-э... – в этот момент непонятная фигура чуть сдвинулась и помахала рукой, привлекая внимание астронавтов. – Э-э-э... Любите Родину, – брякнул профессор-алкаш, потом покосился на своего коллегу и добавил, – обе Родины. Землю, короче. Берегите ее, ага?

А перед глазами застывшего журналиста так и стояла на миг очень четко отразившаяся мохнатая фигура.

«Чубака, – единственное слово, вертевшееся в полностью опустевшем мозгу, – Чубака».

– Э-э-э, да, – вторил негр, – берегите, одна она...

– Вы простите, – решил на что-то профессор Маслов, – у нас тут технический перерыв, и нам бы с самим ЦУПом поговорить, выведете, а?

– Конечно-конечно! – воодушевился лысый, похоже, ощутив себя полезным. – Пара минут и переключу. Господа! Как вы видите...

«Вот оно, – думал потрясенный Аркадий, – вот она – настоящая история. Третий член экипажа, хотя должно быть двое. Определенно, не человек. Вот ради чего я учился на

журналиста! Не дадут, разумеется, это напечатать, не дадут. Да и ладно! К черту газету! Я все равно докопаюсь до правды и расскажу е людям! Инопланетяне среди нас, боже мой!»

Когда экран, наконец, погас, выдохнули облегченно все трое.

– Что там, Джек? – нетерпеливо потребовал Митрич, короткими перелетами возвращаясь к монитору с диагностикой.

Надпись на нем была почему-то на английском, так что техник опознал только большое красное «Warning!»

«В воздухе признаки испарения какого-то горючего вещества. Пока, к счастью, только в одном отсеке, технический С1, посмотрите на карту».

Это было очень плохо. Именно там и бесчинствовал пьяный Митрич накануне. Нахимичил, черт старый. Ладно сам, еще и ребят угробит же... Эх...

– Это конец... – пробормотал Митрич и поймал себя на том, что эта мысль уже приходила ему сегодня в голову.

«Беспокойство не устраняет проблемы, но забирает покой», – взгляд гориллы казался мудрым и печальным.

– Пойду-ка посмотрю, что это за испарения, – буркнул техник подплывшему Фрэнку, – есть тут хоть какие-нибудь костюмы защитные?

– Да, есть, вот этот шкаф. Тран, вы очень смелый человек, – серьезно проговорил американец, тщетно пытаюсь

поймать взгляд своего лже-коллеги.

– Да ерунда, – техник кое-как облачился в свободную оранжевую робу, пару раз перекувыркнувшись с непривычки, – все. Пошел.

Что еще хуже ожидания смерти – неизвестность. Адреналин в крови требовал делать хоть что-то.

«Я включу громкую связь», – кивнул Джек, изобразив по pasaran.

Закрылась за спиной переборка, отделив Митрича от единственных двух живых существ на мерно гудящем корабле. Он почувствовал себя маленьким и ужасно одиноким, будто бабочка однодневка, которую ураган занес в тундру. Умирать было страшно, но еще больше давило чувство вины, без сомнений, это он вчера испортил что-то своими неумелыми попытками помочь. Черт! Да он даже не помнил, что именно он делал! Зачем он вообще полез в корабль?!

«Осторожно! – горела надпись на экране следующей переборки. – В отсеке С1 отравление воздуха потенциально ядовитыми примесями».

Страшно? Аж жуть.

А что делать? Сам виноват, самому и разбираться.

Он выдохнул, как перед прыжком в ледяную воду, и нажал на кнопку, открывающую переборку. Дверь убийственно медленно отъехала в сторону, а Митрич так и остался торчать на пороге, как пугало огородное.

– Твою ж мать...

– Что, Тран? – перепугав до сердца в пятках, внезапно вырвался из крохотного динамика в стене голос Фрэнка. – Все очень плохо? Да? Плохо?

Но новоявленный профессор Маслов только затрясся от хохота, глядя, как дрожит горячий воздух. Это испарялись с нагретого пола разлитые из опрокинувшейся бутылки остатки того самого Хеннеси. А датчик анализатора воздуха, обнаруживший спирт, гудел, как встревоженный шмель.

– Все хорошо, – сумел-таки ответить техник, – отбой тревоги, возвращаюсь.

Он подобрал бутылку, с жалостью отметив, что не осталось и пары глотков, а потом отправился назад. Корабль перестал казаться проглотившим его чудовищем, гул двигателей теперь успокаивал, как успокаивает стук колес в поезде ночью. Теплый желтый свет лам казался дружелюбным.

«А ведь это теперь все наше, – подумал неожиданно Митрич, – корабль, звезды, космос... А потом, если повезет, целая планета! Новая планета. Интересно, а что мы вообще должны делать там, а? Надо хоть расспросить ребят, Джек наверняка в курсе. Боже, я собираюсь расспрашивать обезьяну, что мы будем делать на Марсе. Какое безумие...»

Митрич вернулся, помахав над головой бутылкой, и Фрэнк, получив объяснения и сличив их с данными на мониторе, рассмеялся от облегчения. Джек же ухнул и пару раз шлепнул себя ладонями по коленям.

– Вот! Еще контрабанда. Увы, вытекла и испарилась.

– Боже мой! – проговорил доктор Самди. – Какое счастье!

Как же я испугался!

Это вообще-то было странно.

– Испугались? А разве у вас не проходят строжайший психологический отбор?

– Проходят, – улыбнулся американец смущенно, – крайне строгий.

– Что-то я не заметил в вас, уж простите, особого хладнокровия. Как же вы прошли его?

На лице Фрэнка снова засияла обезоруживающая улыбка.

– Я спал с психологом, составившим заключение.

– С женщиной? – подозрительно нахмурился Митрич, невольно пытаясь отодвинуться.

– Нет, ее звали Эвелин. Эва... – шоколадная физиономия приняла мечтательное выражение, он аж причмокнул.

– Но зачем вам понадобилось лететь на Марс? – изумился Митрич.

– А вам? – передал подачу доктор Самди.

– Семье денег дали, – признаться оказалось внезапно просто, – а сам я пьяный был.

– Вот и моим, – ухмыльнулся Фрэнк, – и пенсию неплохую положили. Я был столько должен, что мои самые близкие оказались в безвыходном положении.

– Дети?

– Сын. Зовут Алекс.

– И у меня – сын. Данька. Даниил.

– Что-то библейское?

– Навроде.

Подплывший Джек приобнял их длинными волосатыми ручищами за плечи, а на его планшете светилась надпись. «Не пора ли уже пообедать, друзья? Это успокаивает нервы!»

Есть пюре из пластиковых тубиков оказалось странно и непривычно. Митрич привык, что пища сначала попадает в рот, потом пережевывается и только потом проглатывается. Никак не мог он отделаться от некой брезгливости и анекдота про «хорошие котлетки, мягкие, всем аулом жевали». Тьфу ты, черт. Фу.

Впрочем, его отвлекала болтовня Фрэнка, рассказывающего о корабле. Оказывается, летели они в огромной почти полностью автоматической оранжерее. После того как они успешно (тьфу-тьфу-тьфу, сплюнул суеверный Митрич) приземлятся, нужно будет разворачивать солнечные батареи, потом включить систему освещения и полива. Параллельно запуская под поверхность зонды, чем черт не шутит? Вдруг минеральные удобрения найдутся или вообще вода? Всякое же бывает. Тут же выяснилась причина, почему американец был один – система была полностью автоматическая, он полетел – так уж, на всякий пожарный. Деньги больно семье нужны были.

– Спал с руководителем организации полета? – ухмыль-

нулся техник, желая подколоть коллегу. – Чтоб тот разрешил?

– Ну да, – простодушно улыбнулся тот, и Митрич ради собственного спокойствия решил не выяснять пол этого самого руководителя.

В это время вновь ожил экран связи с ЦУПом, запищал, требуя внимания.

А ведь прошло всего четверть часа, как с прессой поговорили. А ощущение, что несколько часов. Или целая жизнь.

Появившийся на экране Нестеренко старший был угрюм и непривычно тих.

– Я так понимаю, – начал он с места в карьер, – о проблеме вы уже знаете?

Ну да, сигналы с датчиков же тоже на Землю передаются.

– Мы ее уже решили, – улыбнулся Митрич.

– Н-да? – еще сильнее нахмурился мужчина, и Маслов внезапно понял, как тот постарел за последнюю пару лет, обрюзг весь. – Исправили курс вручную? Интересно, как вы формулу траектории корректировали?

– Курс?... – не понял техник, чувствуя, как снова предательски екнуло сердце. – Я вообще-то не про это.

– Не про это? А про что? Что у вас там еще случилось?!

– Хеннеси пролился, – и снова признаться оказалось совсем просто, – и датчики воздуха взбесились.

– Охренел ты, Николай Дмитриевич, – грустно сказал

большой босс, – курс у вас не верный. Отловили отклонение от рассчитанного. Пытаемся новый высчитать с компенсацией текущей ошибки. Так-то.

Эта новость ошарашила всех, и прежде всего новоявленного профессора.

– И куда мы летим?

– А хрен его знает, Митрич. С программистами хочешь поговорить?

– Хочу, – пересохшие губы согласились сами.

Не вовремя Хеннеси пролился.

На экране показался худой парнишка лет двадцати, в очках и кудрявый.

– Мы сейчас все поправим! Только компенсацию надо досчитать! – зачастил он. – И найти ошибку! Все сделаем, не переживайте!

– Сколько отклонение?

– Пока небольшое совсем. Но сами понимаете...

– Куда мы летим?

– По модели?

– По модели.

– За край солнечной системы.

– Прэлес-с-с-стно.

– Но вы не волнуйтесь! Мы все сейчас поправим.

Тот самый специалист. Студентик. Митрич не стал больше его слушать. Он сел и закрыл лицо руками.



– Похоже, мы все-таки умрем, – проговорил слышавший этот диалог Фрэнк.

Митричу уже настолько надоело за это утро прощаться с жизнью, что ужаса он не испытывал. Апатию и совсем детскую обиду – обещали Марс, и обманули.

– Все умирают.

Доктор Самди вывел на большой монитор изображение с камер на носовой части. Чернота. Затягивающая пустота с далекими мерцающими искрами холодных далеких звезд.

– Мы будем лететь и лететь, – пробормотал он, – и даже после смерти. Вечно лететь. На Земле мое тело бы сожгли, а пепел хорошее удобрение. Из меня бы трава выросла...

– Трава? – приподнял бровь техник. – Марихуана что ли?

– Ха! А почему бы и нет!

Хороший парень все-таки, этот американец. Как легко заставить его улыбнуться. Нужно вести очень спокойную и безмятежную жизнь, чтобы к его почти тридцати оставаться таким незамутненным.

– Это была бы самая забористая трава, Фрэнк! От нее бы всем сносило крыши враз!

– Крыши?

– Головы.

– О да! И всем бы виделся космос...

– И гориллы.

– Ха-ха!

Они помолчали.

– Жалко коньяк вылился, – печально пожаловался Митрич Вселенной.

– Очень! – горячо согласился Фрэнк.

«В медотсеке спирт есть. Если хотите».

– Блин! А это идея!

– Нет, Тран, подождите немного. Скоро сеанс связи с моим штабом, мне нужно достойно выглядеть. А вот потом...

– Что – потом? – ухмыльнулся Митрич.

– Как вы смотрите на то, чтобы выпить, профессор?

– Пристально.

Нет, ну а что? Ты сам наломал дров и спичку бросил, Митрич. Теперь хоть гори поярче. А хрен ли елозить, как говорил сторож дед Владлен.

– А может, нас инопланетяне подберут? – с надеждой предложил идею доктор Самди.

Техник почти смирился с происходящим, когда на экране появились очень официальные лица, загорелые, белозубые, венчающие собой подтянутые торсы, наряженные в парадные мундиры. Очень «не наши», словом. После обмена приветствиями Фрэнк перешел к сути дела.

– У нас неверный курс, сэр, – система послушно отобразила внизу экрана субтитры, позволяя Митричу понимать суть диалога.

– Что значит – неверный? – сурово нахмурился генерал с

чеканным профилем, достойным увековечивания в бронзе.

– Мы не попадем на Марс, сэр, – развел руками Фрэнк, словно извиняясь, – корабль уйдет за пределы солнечной системы. Простите, сэр, но я не смогу выполнить возложенную на меня миссию...

Еще с четверть часа доктора пытали на тему подробностей произошедшего. По ту сторону экрана началась суматоха, как в театральной гримерке, по которой прошмыгнула мышь. Серьезные люди забегали, не теряя своей серьезности. Наконец, молодой парень в чине лейтенанта подал высокому начальству какой-то лист бумаги.

– Что вы говорите, доктор Самди! – взревел тот. – У вас абсолютно верный курс! Ни намека на отклонение нет.

– Как это? – опешил влезший в экран Митрич, успевший уже окончательно попрощаться со своей непутевой жизнью.

– Кто это?! – немедленно отозвался генерал.

– Мистер Тран, он русский... Профессор, – зачем-то уточнил замаявшийся Фрэнк.

– Когда появился второй астронавт?! Мы не согласовывали!

– Пусть связываются с ЦУПом «Северного», – предложил Митрич, – пусть они объясняют, меня очередную бредовуху придумывать не хватит. Но курс? Курс точно нормальный? Переспроси!

– Все идеально, – смилостивился, наконец, военный, видя неадекватность собеседника, – доктор Самди, объясните,

наконец, что у вас там происходит?!

Митрич снова отплыл в сторону, предоставив разбираться коллеге. Он висел в середине кабины, раскинув руки в стороны, как развалившийся на пляже отпускник – расслабленно, бездумно.

– Джек, – позвал он, – живем, а? Может, и вправду, Марс увидим?

– Угук, – важно кивнул тот, показывая большой палец.

– А почему наши-то думают, что мы куда-то не туда летим?

– Угук?

– Ну, не наши – мои? Которые в российском ЦУПе-то?

– Угук...

– Вот и я не понимаю. Джек? Можно, я буду звать тебя Чубака?

– Угук!!!

– Шутка-шутка.

Ругался о чем-то с бравым генералом перенервничавший Фрэнк, гудели приборы, мягкий золотистый свет лился из чуть приглушенных ламп. Джек, плавающий в невесомости в метре от техника, с сосредоточенным видом листал книгу, выглядел при этом совершенно комично, машинально шевеля губами при чтении.

На центральном мониторе сияла оставшаяся позади Земля.

Все.

Не будет ни курса доллара, ни кортежей с мигалками, ни разборок с Украиной, ни телевизора, ни новостей, ни религиозных споров, ни террористов. На хрен идет международная политика, цена на нефть, европы и ближние восток. И на самый большой хрен – чиновники, олигархи и прочая их братия.

А будет огромная электронная библиотека и много-много времени. А потом, если повезет, красная планета, первая оранжерея, что мы там растить-то кстати будем? Я ж ничего не в гидропонике ни в ботанике... А какого черта? Выучусь! И разберусь, как эта автоматика для выращивания работает. Сколько лет я не учился? Встряхну пыль с мозгов.

А самое лучшее, что тут нет водки.

Хех.

– Dearme! – выдохнул Фрэнк, желая, видимо, сказать что-нибудь покрепче, но стесняясь старшего товарища. – Отстали! Джекки, тебя все еще ищут, – он для убедительности потыкал пальцем в сторону экрана.

Примат поднял одну бровь, а потом издал пренебрежительный звук.

– Точно, – усмехнулся Митрич, – нас уже никто не достанет.

– Разве что, лазерным оружием, – улыбнулся доктор Самди, – я знаю, у КГБ оно есть!

– Ага, прямо звезда смерти.

– Ну, признайся! Есть же!

– А то!

– Оу, а вот и снова твои, – как это говорится? – товарищи.

– Да сколько можно-то?

На экране, перекошенное от усиливающихся помех, появилось изрядно надоевшее лицо Нестеренко-старшего. Красное и довольное, будто бы он крепко выпил.

– Дмитрич! – чуть не завопил большой босс, а, похоже, изрядно он перенервничал за этот день, вон аж вся спесь слетела, как шелуха. – А ты жить будешь! Бу-у-удешь! Правильный курс-то! Смотри, кого мы нашли! Дома он был! Спал, прикинь!

В этот момент Михаил Юрьевич, приобняв за плечи, втащил в кадр зеленого с похмелья, как потускневшая медь, главного инженера.

– Ну, ты вообще – как так, Митрич? – прохрипел тот, щуря подслеповато красные глазки на монитор. – Ну, ты, блин, учудил.

– Чего с курсом-то, Степаныч? Ты б меня успокоил, а?

Главный инженер потер лицо большими морщинистыми ладонями и снова уставился на друга.

– Что, старик, нихрена не помнишь, да? Ладно. Мы вчера с тобой пошли перепроверять расчеты траектории. Ты ж сам сказал – бабки попилили, на нормальных специалистов не хватило, набрали студентов по объявлению, чего они насчитают, – Нестеренко на этом месте выпучил глаза, но переби-

вать не стал, сдержался, – и слава богу! Нашли мы с тобой ошибку, пересчитали, так траектория ж уже задана была в корабле. Ждать до утра и объяснять, что надо поправить, ты не пожелал. Я в корабль по состоянию здоровья не влез уже. Вот ты и вызвался сам. И видишь, поправил же. Молодчага же! Не пропил еще мозги.

– Но это – точно? Железно прямо?

– Да точно! Мы с коллегами из штатов только связывались. Все расчеты теперь у нас совпадают.

– Так, понятно, как я попал внутрь. Но остался-то я тут почему? – Митрич почувал, что вплотную подобрался к разгадке причины такого крутого поворота в своей жизни.

– Так ты остался сервисных ждать, которые утром должны диагностику проводить были. Чтоб лично сказать им, что мы исправили. Видимо, уснул...

– Так почему ж они меня не разбудили-то?!

– Так чтоб все осмотреть штатно, три специалиста нужно, а у нас-то денег только на одного набрали... – проворчал Степаныч. – Вот он и подумал – чего второпях напрягаться, раз американцы все до болтика «почекали»? Топливный проверил, да системы жизнеобеспечения погонял, а в серверную не полез, чтоб ни дай бог. Она ж и опечатанная была после американцев-то.

– Ну чего, – улыбнулся Митрич другу, – трандец, ага.

– Летишь?

– Лечу.

– А чего рожа-то такая довольная?

– Честно?

– Ну!

– Так все, Степаныч, свобода ж! На Земле стало слишком много людей, а среди них – слишком много идиотов. А я от идиотов устал. Да и мир, в котором больше нет белых пятен, зато на каждом столбе камеры понатыканы, становится похож на тюрьму.

– Я тоже устал от идиотов, – грустно проговорил главный инженер.

– И я, – вклинился неожиданно Нестеренко, – реально же, одни идиоты кругом! Вот вчера...

Но астронавт профессор Николай Маслов его не слушал, он раздумывал, с чего начать изучение терраформирования? С ботаники? Или вправду лучше с Джеком посоветоваться?



MARS

MARS

MARS

REC

MARS

MARS

MARS

MARS

MARS

MARS

MARS

MARS

MARS

MARS

# Чужие вещи

*Никите «Пророку» Ш. в память о вечере, когда Зеленая Ящерица охотилась на Сородичей.*

*Представьте себе, что вы и сами не заметили, как сошли с ума*

– Поздравляю! – Профессор развел руками так, будто стоял минимум на сцене, где ему вручали «нобелевку»; выглядела сцена изрядно комично, учитывая, что его сухопарая фигура неуклюже парила в паре метров над ребристым полом центрального отсека. – Посмотрите вверх! За открытой диафрагмой мы видим Марс! Мы совершили то, что казалось невозможным еще пять лет назад – гиперпрыжок! Мы достигли Марса, путешествуя по подпространству, всего за двадцать семь часов. Не побоюсь этой фразы, мы только что открыли новую страницу в истории всего человечества! Именно наши имена будут золотыми буквами выбиты у подножия памятников на каждой новой освоенной планете! Поздравляю, коллеги! Поздравляю...

За неимением другой публики, мы заплодировали сами себе. Даже вечно мрачный ОТул пару раз хлопнул здоровеными загорелыми дочерна ладонями. А я (стыдно признать) так вообще с трудом скрывал дурацкую улыбку, пытающую-

ся отвоевать себе место на лице, вопреки всем моим усилиям. Самый молодой из всего экипажа, происходящее все еще казалось мне попросту сном. Шутка ли – теперь я не просто «перспективный ученый», «симпатичный и светловолосый», «высокие баллы в университете» и вот это вот все... Теперь я «один из Первых». Полгода назад и мечтать-то было о таком страшно. Шанс на иную жизнь... Даже не так, просто – шанс на жизнь.

На всякий случай еще раз заглянул в виртуальный видеискатель новенькой камеры – да, запись идет. История, блин. Хроника! Ладно, перепроверить еще пару раз не помешает. Случись что с этим видео – шеф меня на оставшуюся жизнь усадит заполнять всякие электронные формы по приходу-расходу удобрений в университетской оранжерее.

– Тестовый сигнал принят на сто процентов и успешно расшифрован! Значит, мы в нашем времени и пространстве, а то были у нас некоторые... гм-м... сомневающиеся. Нда-с... Итак. Земля говорит нам, – ученый солидно откашлялся, заглядывая в информационный планшет:

– «Поверь – когда в нас подлых мыслей нет,

Нам ничего не следует бояться.

Зло ближнему – вот где источник бед.

Оно и сбросит в пропасть, может статья».

Это – Данте, если кто не знает. Похоже на «Северном» дефицит кадров, и они набрали в ЦУП гуманитариев, – продолжал вещать Профессор; голубые глаза, обычно туск-

лые, прячущиеся за толстыми линзами старомодных квадратных очков, сейчас сверкали совершенно мальчишеским азартом. – Теперь мы можем возвращаться домой! Поздравляю еще раз, коллеги! Поздравляю.

Я чуть повернул камеру, ловя объективом четвертого члена маленького экипажа. Флегматик тоже улыбнулся, от чего его хитрая азиатская физиономия расплылась и окончательно стала напоминать своей формой блин. Он кивнул головой, потягивая из тюбика что-то малосъедобно-шпинатное. Нужно было очень постараться, чтобы поймать его в кадр не перекусывающим.

– Я полетел шарманку запускать, – процедил лениво Отул, грызя зубочистку – вот человек, умеет же испортить самый торжественный момент, а!

И кстати, зубочистки в космосе строго запрещены. Невесомость и острые предметы во рту – не лучшее сочетание. Но технику, похоже, откровенно пофиг.

– Прискорбно, что вы выбираете подобные формулировки, – фыркнул Профессор негромко, пытаясь доплыть по воздуху до одного из вертикальных поручней возле центрального стола, – неужели нельзя называть все оригинальными терминами? Особенно под запись!

– Ха. Куда уж оригинальнее. А вы давайте по креслам! Щас все еще раз проверю, и валим домой.

Нарочитая грубость против подчеркнутой академичности речи вызывали обоюдное раздражение сторон. Вот только

бы не переросло в полноценную ссору, а... Но мои коллеги останавливались на тонкой грани, в шаге от острой фазы конфликта. Сложновато в настолько замкнутом пространстве космического аппарата, надо сказать. Но ничего, пока обходилось. Сейчас, по крайней мере разбежались: ОТул спустился вниз в свой двигательный отсек, ловко нырнув вниз, а Проф – пробрался, перебирая руками по стене, к себе в каюту. Зато меня теперь не покидало ощущение, будто я находится на опустевшем боксерском ринге, просто выполненном из сверхпрочного пластика и стали. На корабле все состояло из ребристого хромированного металла, лучистых морозно-белых ламп, скругленных углов и пространства. Убийственно тесного пространства внутри, и сводящей с ума бесконечности снаружи.

Но серьезно, мы же все проходили психологическое тестирование перед полетом. Как же так вышло, что теперь этот ирландец все время пытается сцепиться с Профом? Неужели никто не выявил такой момент до старта? Странновато как-то...

Они точно не были такими дерганными до старта. Понятно, конечно, опасно, все нервничают, но вот когда он наступил – этот слом в поведении? Когда ровные рабочие отношения превратились в едкие фразы, скрывающие за собой... что? Соперничество? Меня тогда этот вопрос интересовал чисто академически, как биолога. Понимаете, у любого поведенческого изменения есть своя механика, своя биохимия

и разумеется, свой пусковой механизм. И конечно, социальные сценарии, выработанные за миллионы лет.

Вон как у них: замкнутое пространство. Мозг подсказывает – главный тут Проф, это *ego* полет. Но все инстинкты, доставшиеся от приматов, говорят, что самый большой и сильный среди них – все-таки ирландец. Вот и цапаются. Конфликт рефлекторного и когнитивного. Ха!

В тот момент впервые и пришло оно – ощущение «неправильности» происходящего, эфемерное беспокойство, саднящее, словно попавшая под ноготь заноза, от которого я попытался отмахнуться.

Да просто все перенервничали, вот и ответ.

А все-таки забавно Проф в невесомости передвигается, особенно, когда ему камера мешает. Мне хотелось пощелкать пальцами, подыскивая нужное слово. Барахтается, вот. Солидный ученый, степени и звания, награды – и при этом суматошно барахтается.

Флегматик тем временем подплыл к сенсорной панели управления в противоположной от лестницы стороне центрального отсека. Тонкие длинные пальцы порхали по сенсорному экрану готовя все инфосистемы корабля к предстоящему прыжку. Здоровенная диафрагма щита на потолке схлопнулась с едва слышным гудением, скрывая окончательно панораму красной планеты и сверхпрочную линзу иллюминатора. Сияющий отраженным светом бок огромного

красного шара навсегда останется с нами на кадрах видеосъёмки, но это ж даже близко не то же самое – что видеть в реальности. Так что я ждал до последнего, не мигая, рассматривал Марс, пока тот окончательно не скрылся за щитами.

Забавно. Снаружи все – черное и красное, а здесь, внутри – синее, белое и стальное. Знать бы, кто выбирал эту холодную больничную гамму... А ведь наверняка этот «специалист по эргономике» кучу бабла зашибает... Посидел бы он тут недельку, в этом сенсорном «морозильнике».

– Обязательно закрывать? – позвал я Флегматика. – Тебе не было бы интересно посмотреть, что дальше? Ну, как мы будем прыгать?

– Можете посмотреть на электронном экране с приборов, сся хо-цзы, – предложил программист, – почему бы и нет? Сейчас я разверну панорамку... – едва заметная пауза. – Стажер.

Ага, ну куда ж без добродушных поддевок в чисто мужском коллективе.

– Я не стажер, – улыбнулся я ему, тоже подплывая ближе к сенсорному пульту, – и «сся хо-цзы» мне нравится больше.

– А раз не стажер, сам открывай! – Флегматик ткнул пальцем в панель с функциями мониторинга, великодушно позволяя мне побыть причастным к этой его электронной магии.

Впрочем, я неплохо изучил систему во время подготовки

и сумел найти нужную иконку без подсказок. Пусть и вышло это несколько неуклюже по сравнению с тем, как двигались неестественно длинные пальцы азиата. Достаточно длинные для того, чтоб заподозрить недешевую кибернетическую модификацию. Впрочем, на эту тему Флегматика никто никогда и ничего не спрашивал – оставалось только гадать.

– Мне нравится, что вы так относитесь к своим традициям, – мне хотелось чем-то прервать тишину.

– М-м-м?

– Да я про обращение.

– Мы?

– Ну... – да-да, несколько бестактный комментарий у меня вышел, увы, социальные контакты – не совсем «мое». – Китайцы.

– А-а-а... Это привычка, – программист говорил, не отрываясь от настройки какой-то диаграммы на затененном боковом экране, – хотя знаешь, с этими обращениями вечная путаница даже у нас лома. Дед рассказывал, в 1949 году все стали «тонгжи» – товарищами, прямо как в СССР. А теперь это означает «гей», сяо хо-цзы, представляешь?

Над панелью высветилась спроецированная голограмма, на которой снова костром полыхал Марс, и это избавило меня от мучительно неловкой необходимости подыскивать подходящий ответ. «Геи» и «товарищи», а? Вот он шутит так? У них же вроде коммунизм? Блин.

– Ну? И как тебе вообще? – снова первым заговорил про-

граммист.

– Планета-то?

– Планета.

– На вид похоже на плохо пропекшийся блин, если честно, – усмехнулся я, – на который светят красным фонарем. Ну это не отменяет пафосности момента, конечно!

– Ну а ты чего ждал-то, сяо хо-цзы? Сверкающей обработанной картинки – вроде обоев рабочего стола на твоём ноуте? Ладно. Знаю, ты разве что не пищал от восторга, когда первый раз на чужую планету посмотрел.

И вовсе не пищал. Враки. Ну ладно-ладно. Хорошо, был близок к этому.

– Жаль, что погулять по поверхности не вышло, – усмехнулся я, против воли ощущая, как краснеют уши.

– Угу. Успеется ещё, сяо хо-цзы. В следующий раз. Тебе лет ещё всего-то ничего.

– Надеюсь...

– Прыгнули раз, прыгнем ещё.

Медленно нарастал низкий вязкий гул, от которого заныли зубы, а потом толстенные стены и тонкие внутренние переборки болезненно завибрировали – это заработала, набирая обороты, «шарманка» ОТула. В тот же момент ожил и динамик на стене – старомодная технология оповещения, но и самая надёжная, учитывающая обстоятельства – провод он и есть провод.

– Так, короче, – прохрипел голос техника, – надеюсь вы

все уже на местах, как я и просил, время со старта – вторые сутки, двенадцать часов, восемь минут. Двадцать три секунды, если кому не пофиг. Стартуем от Марса. Всем сесть по местам и приготовиться к прыжку. До старта – полторы минуты. Конец связи.

Молодость и врожденная гибкость позволили мне легко освоиться с невесомостью. Так что я, глянув еще раз на монитор, проворно скользнул к своему креслу. Впрочем, Флегматик не особо отставал и уже пристегивал ремень на собственном. Сами кресла, сконструированные специально для прыжков, напоминали по виду самолетные: сдвоенные, с откинутой назад сегментированной спинкой, мягко пружинящей благодаря вставке из синего каучука. Каркас – массивный, из выкрашенного в белый металла, вмонтированный в ребристый пол. Эти восемь кресел, да круглый стол в центре со встроенным блоком пищевого аппарата – вот и вся «мебель» центрального отсека. Дополняло ощущение стерильной лаборатории белое «дневное» освещение, приглушаемое только на время отбоя. Я еще раз помянул недобрым словом специалистов по эргономике.

В последний момент, когда весь корабль уже изрядно трясло, суматошно размахивая руками влетел в центральный отсек из коридора, ведущего к каютам, и Профессор. Вы когда-нибудь видели, как прибором несет медузу, а та колыхается, трепыхается в попытке приспособиться к волнам? Впрочем, улыбка сползла с моего лица – ситуация вообще-то бы-

ла не шуточная, ни секунды.

– Не успеваешь, лао ши, – проговорил негромко Флегматик, аккуратно затягивающий блестящую эластичную ленту поперек груди, – стартуем.

– Чертов ОТул! – заорал ученый; с высокого исчерченного глубокими морщинами лба слетела круглая капля блестящего в свете ламп пота и медленно поплыла в сторону системы кондиционирования. – Знает, что у меня проблемы с передвижением в невесомости! Не мог предупредить заранее!!

*Не успевает...*

Сейчас гул обратится ревом, ударом, взрывом пространства, и за грохотом даже не будет слышен влажный шлепок... Кровь не потечет, как на поверхности планеты – просто красные капли разлетятся по центральному отсеку, словно разорвались коралловые бусы...

*Вот блин...*

Сам не понимая толком, что делаю, я рванул ремень и толкнул собственное тело вперед, поймав ближайший к шэфу поручень. Второй же рукой стремился схватить бултыхающегося в невесомости ученого, но при первой попытке пальцы только бессильно соскользнули с гладкой белой ткани летной формы Профа.

*Гул-л-л-л...*

Тот в свою очередь тоже попытался уцепиться за меня – промазал, случайно пролетел вперед. Мимо. Инерцию-то никто не отменял. Но выражение его лица я не забуду нико-

гда – паника плескалась в глубине зрачков. Непривычно – неправильно!

*...нарастал-л-л-л...*

Я, сжав зубы, извернулся, зацепившись все за тот же поручень уже ботинком и схватил шефа обеими руками, чисто – ребенок любимую игрушку. Напрягся, дернул на себя. Мы влетели прямо в секцию сдвоенных кресел справа от входа в отсек – кстати, я пребольно ударился локтем и плечом о поручень и зашипел сквозь зубы. Потом. Не до жалоб. И никто ведь не произнес, не выкрикнул ни одного слова за все эти растянувшиеся секунды.

Интересно, а к чему пристегивается ОТул в своем отсеке? Ну серьезно, у него что – какое-то особое кресло?

– Вытрави ремень! – Профессор не мог дотянуться до своей застёжки, бестолково махал руками и снова только мешал.

*...перерастая в рев-в-в-в...*

Ну! Ну не смей застревать! Ну же! На чертовы секунды счет! Я короткими судорожными рывками тащил из паза эластичную ленту ремня безопасности. Не с первого раза, но попал в паз, замыкая контакт системы жизнеобеспечения кресла, и только потом повернулся к шефу, помогая тому.

– Держите! Скорее!

Проф успел защелкнуть. Чудом, в последний момент.

*...в виз-з-зг вз-з-з-збесившейся бенз-з-з-з-зопилы в руках безумца...*

Утонула в паз с хрустом вторая кнопка, сработала фикса-

ция, накрывая нас обоих силовым полем, и вовремя, потому что потом наступило *это*. Не было ни удара, ни даже короткой перегрузки – все вышло куда внезапнее. Надсадно взвыли двигатели, словно предсмертный вой дикого зверя, и разом все исчезло.

Просто пропали звук и свет, зато пришло давление на уши и жар в глазах, будто горячая черная вата, липкая и склизкая, облепила мое лицо. Казалось, она елозит по голове, ввинчиваясь крохотными щупальцами из угольной слизи в поры кожи, желая прорвать мышцы, продавить череп и добраться до желеобразной мякоти мозга, попутно поджарив глаза.

После старта первого прыжка, когда летели еще к Марсу, я провел несколько мучительных минут с трудом пытаюсь втолкнуть воздух в сведенные спазмом легкие, думая, что ослеп и оглох, а может, и изрядно обжег кожу. И сердце... Бум-бум-бум... бешено гнало загустевшую кровь, разрывая артерии и иссушая вены. Заорать бы – да крика не было, он запутывался в липких черных волокнах, забивших глотку. Хуже всего – казалось, что это длится уже вечность.

Подпространство пережевывало всякого, пытающегося воспользоваться коротким путем через мрак космоса, перемалывало и сплевывало остатки в черное ничто.

«Я в аду, я умер и я в аду», – пищал ослепший от ужала инстинкт самосохранения.

Пошевелить запястьем – пальцами, ни малейшего ответа от нервных окончаний. И бешеный шум крови в ушах – па-

ника – полууверенность, что больше вообще и нет никакой руки.

А потом принялись возвращаться ощущения – отдельными болезненными толчками.

Как же я радовался резкой боли в боку – вдавившийся под ребра старчески острый локоть Профессора. Свет – яркий, режущий глаза настолько, что пришлось накрепко зажмуриться. Звук – гудение двигателей, уже ровное, безо всяких взвизгивающих перегрузок. Я все пытался сморгнуть слезы с пушистых ресниц и избавиться от ощущения, что в глаза набился песок.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.